

Хорошо, что нашим мечтам, хоть некоторым, суждено сбыться. Пусть — лишь отчасти. Пусть — на время.

...По стенам развешаны яркие акварели. А вот — новая, еще не законченная... Краски, кисточки. Но есть еще огромный письменный стол. Завалянный бумагами, книгами. В пишущую машинку заправлена страница. А рядом — целая пачка уже законченных.

— Новая книга! Если можно, о чем!

— Если хотите, это своего рода подведение итогов. После выхода в свет «Завтрашних забот» я расстался с морем. И моя новая книга — прощание с ним. Не могу сказать, что работаете легко. Чистый лист бумаги — это всегда мука для меня.

— Читателям ваших книг трудно представить себе морскую биографию Виктора Конецкого. Кое-что можно из них узнать и о вашей писательской судьбе. И все-таки — как она начиналась!

— Никаких гуманитарных вузов я не заканчивал. Вся моя профессиональная учеба — это работа в литературном объединении. И я многим ей обязан. Вообще считаю, что писатель мало чему может научиться, просяживая бесконечные часы на лекциях. Думаю, будущий художник первым делом должен накопить биографию. Познать всю сложность отношений с людьми. Научиться командовать и подчиняться. Только так, на мой взгляд, можно набрать «психологическую информацию», без которой нет литературы. Я тысячу раз убеждался: для того, чтобы стать настоящим маринистом, надо быть профессиональным моряком. Люблю читать, да и сам пишу прозу, которую принято называть документальной. В ней нельзя работать без правдивых деталей, без той точности, которой не обзаведешься на берегу... В «Литературной газете» была опубликована обо мне статья: автор утверждал, что, став капитаном, я утратил в своей прозе большую долю присущего моему творчеству романтизма. Кстати, я никогда не ходил в море капитаном, был лишь дублером на торговом флоте. Так вот, любой профессионал на море знает как оно убивает романтику

ЗА ДОБРОЙ НАДЕЖДОЙ НАШ СОБЕСЕДНИК — ПИСАТЕЛЬ ВИКТОР КОНЕЦКИЙ

Уверен, если бы Александр Грин был профессиональным моряком, он не написал «Алые паруса». Другое дело, эти «пробелы» он заполнял огромным талантом. Но мы ведь любим Грина отнюдь не за документализм...

— И все-таки, думается, некоторые созданные вами образы родились не только благодаря морской профессии: капитан Фома Фомич в «Завтрашних заботах», например, или Электрон Пескарев в рассказах Ниточкина.

— Да, просто я перенес Фому Фомича в ту среду, которая мне лучше всего знакома. А вообще-то, он, по-моему, типичный руководитель любого профиля. А вот Электрон Пескарев... Этот рассказ впервые был опубликован в «Дружбе народов». Затем его напечатали в «Морском флоте», посчитав актуальным именно для флота. Но ни это, я думаю, главное. У нас появился новый тип людей. Они говорят: «Не хочу ни власти, ни ответствен-

ности. Хочу жить только себе на благо».

— Этаким «маленький человек»!

— Да какой же он маленький человек! Я недаром писал, что редко встречал людей с такой железной логикой и целенаправленностью. Это, скорее, максимально незаметное зло. В последнем рейсе я снова столкнулся с таким человеком. Штурман лет под 50. У него точно та же психология, что у Пескарева...

— Поставив точку в морской биографии, вы, наверное, как-то планировали литературную!

— Что тут планировать... Хочется просто написать все то, что задумал. Закончить пьесу, над которой работаю уже около четырех лет. Я ее, правда, назову «Пьеса для чтения», чтобы не претендовать на постановку. Думаю приступить к роману. Сложная эта будет работа. Понимаете, написать роман без женского образа невозможно. А женские образы мне пока плохо удавались.

Мужчины чаще бывают умнее женщин, но никогда — мудрее. Это надо суметь написать.

— Наверное, и в пьесе вам пришлось столкнуться с этой сложностью!

— Конечно. Но здесь мне было чуть легче. Она — о распаде семейных кланов. О том, что современная семья уменьшилась, разобщиась, и люди, иногда не отдавая себе в этом отчета, мучаются такой неполноценностью в семье. Отсюда возникает тяга к поискам своих корней. Вы никогда не задумывались над тем, как в истории любой семьи отражается большая История? Именно этим интересна и неповторима каждая семейная хроника.

— И ваша семья!..

— Моя мать была балериной и танцевала еще в группе Дягилева, а ее самая близкая подруга Ольга Хохлова стала женой Пикассо. Труппа Мариинского театра в первую мировую войну осталась во Франции... Если присоединить сюда мою собственную биографию, — пожалуйста, почти весь XX век. Со всеми его трагедиями и сложностями.

— Вы любите читать!

— Да, классику — ее люблю перечитывать. В последнее время больше всего тянут к себе исторические труды, мемуарная литература. Из современных западных писателей люблю Фриша, Базена, Сарояна... Каждый раз меня восхищает Маркес. У него особое качество фантазии. Этому нельзя научиться. И еще, Маркес очень близок живописи. Если Фриш монохромен, чернобел, то Маркес многокрасочен. Он — живописец в литературе. Из соотечественников люблю Леннарта Мери, Искандера, Думбадзе, Айтматова, Юрия Казакова.

Его взгляд нет-нет, да и возвращался к той недописанной страничке, что осталась в пишущей машинке. Писатель говорил, а мысль его жила в новой книге.

Идя берегом Рижского залива, я вспоминала книги Виктора Конецкого и ловила себя на мысли, как мне не хочется, чтобы этот писатель простился с морем. Ведь для многих море — это наше Несбывшееся. И Виктор Конецкий подарил нам эту правду, эту боль о нем.

Беседу вела

Кармела МЕДАЛЬЕ.

Фото Вероники КУДЛЯНЕ.

ДУБУЛТЫ.